

Пытаясь применить апофатический метод теологического исследования в области философской эстетики, Дмитрий Ахтырский сосредотачивает свое внимание на эстетических аспектах философии телеологического эволюционизма. Для этого автор совершает историко-философский экскурс в эволюционную проблематику, выбрав в качестве объекта критики работу Владимира Соловьева «Красота в природе».

* * *

Тенденция связывать развитие со стремлением к благому существует в европейской мысли со времен Платона. Одной из манифестаций благого платонизм полагает прекрасное.

Эволюционный концепт проделал долгий путь в мировой интеллектуальной истории. Развитие – развертывание мировой пружины (буквальный перевод слова «эволюция») – может быть оцениваемо полярным образом, как благое и не-благое. Соответственно существует три базовых мифа касательно существования во времени – миф о деградации, миф о неизменности и миф о прогрессе. В контексте данной работы слово «эволюция» будет пониматься в прогрессистском смысле.

Появление концепции эволюции в европейской философии отнюдь не связано с именем Дарвина, и даже с именем его современника позитивиста Спенсера. Было бы уместно вспомнить такие вехи становления эволюционистского мифа, как хилиазм Иоахима Флорского, провозгласившего наступление эпохи Третьего Завета – «Завета Святого Духа». Ключевой момент в истории концепта – публицистика Фрэнсиса Бэкона, заявлявшего, что эллинская наука – это не золотой век, но наивное детство познающего человечества. Деградационная (повествующая о процессе мировой деградации) модель, свойственная т. н. традиционным обществам, получила успешного конкурента в виде эволюционистской модели: кумулятивистская теория познания, затем идеи технического и социального прогресса (Ж. А. Кондорсе) – и, наконец, идеи прогресса космического, идеи универсальной эволюции в самых разных видах.

Первые эволюционистские идеи были идеями телеологическими – то есть подразумевали, что эволюция стремится к некоей цели, причем эта цель – цель именно благая. Потому такие концепции мы можем назвать эв-телеологическими (говорящими о движении к благой – «эв» – цели).

Появление развитых эволюционистских философских доктрин связано с именами немецких романтиков конца XVIII – начала XIX вв., с системами Шеллинга, Фихте и Гегеля. Как значимые, мы можем отметить имена Владимира Соловьева, Тейяра де Шардена и Бергсона. Наконец, во второй половине

XX

века свет увидело множество теорий целевой эволюции, наиболее целостными из которых, на мой взгляд, являются построения психолога и философа Кена Уилбера.

Идея параллелизма творческих путей человеческого искусства и внечеловеческого природного мира побуждает романтиков и наследников их идей к поиску универсальных эстетических принципов, общих для всех существ Вселенной и для самой Вселенной в целом, поскольку Космос в своем высшем неискаженном аспекте – прекрасен (такова базовая романтическая аксиома-интуиция).

Смычка – в романтическом контексте – идеи эволюции и идеи универсальной красоты порождает ряд методологических проблем. Прежде всего, это проблема объективности любого эстетического суждения, любого арбитража. О том, что эстетические суждения никогда не могут уйти от своей принципиальной субъективности, хотя и высказываются именно в постоянной попытке вырваться из солипсических границ, – писал Кант в «Критике способности суждения». Но Кант еще не был эволюционистом, пребывая в лишенном развития универсуме Ньютона – хотя как раз Кант стал первым могильщиком классического деизма, выдвинув гипотезу о формировании во времени (то есть уже именно эволюции) Солнечной системы (гипотеза Канта–Лапласа).

Наследники и оппоненты Канта, выдвинувшие идею эволюции немецкие романтики – Шеллинг, Фихте, Гегель и другие искатели принципов универсальной положительной эстетики – оказались в плену вопроса о местоположении самих себя как «арбитров изящества» на эволюционной лестнице. Панорама возможных ответов растягивалась между тотальным эстетическим релятивизмом и столь же тотальным объективизмом (возможным лишь в том случае, когда арбитр оказывается на предельной вершине эволюционной лестницы). Ответ зависел и от понимания природы эволюции – как магистрального пути или многовекторного движения (второй вариант проявился уже лишь в XX веке).

В ходе развития эволюционистского концепта приоритет получил иной, антитеологический его вариант. Материалисты и позитивисты отказались рассматривать события сквозь призму итоговой цели мировой эволюции. Эволюция оказалась в их построениях случайным результатом стечения факторов, которое случайным же образом ведет к усложнению существующей реальности. Парадокс в том, что в концепцию эволюции вводился именно принцип случайности, «слепоты» процесса – в прямом противоречии с непререкаемым положением о научном детерминизме, о тотальной обусловленности каждой фазы существования мировой системы предшествующими фазами.

В ходе этих исторических перемен оказалось пересмотрено значение слов «простое» и «сложное». Бог Аристотеля и Средневековья был прост – то есть не состоял из составных частей. Интеграция человеческого сознания в божественную простоту была целью осознанно функционирующего живого существа. Но с переменой системы мировоззренческих координат этическим вектором стало «образование» человека – переход от «простоты» к «сложности». Сложное стало признаком развития, простое – символом «отсталости». Аристотелева диалектика простого и сложного – становление вещи от первоначальной бессознательной материальной простоты к полностью сознательной итоговой простоте божественной – заменилась идеей непрекращающегося усложнения. Само слово «простой» – «primitive» – стало этически отрицательным понятием.

И даже сохранившиеся адепты «простоты» стали под «опрощением» понимать возврат к материально упрощенным формам – вместо того, чтобы стремиться к высшей простоте сквозь интеграцию в едином акте сознания всех возможных сложных форм Вселенной, через синтез множественности и единства.

Как бы там ни было, но каждый из нас находится в сложном положении – мы удалены как от материальной, так и от божественной простоты. И наши эстетические суждения неизбежно располагаются в пространстве между возможностью и невозможностью вынести суждение окончательное. Поскольку прекрасное есть в телеолого-эволюционистском дискурсе аспект Блага – то и в отношении прекрасного правомерно применить категории христианского богословия, такие как апофатика (в данном случае – учение о том, чем прекрасное НЕ является) и катафатика (как же все-таки прекрасное может быть проявлено в мире, с учетом того, что оно во всей своей непостижимости ускользает из расставленных созерцателем силков).

Я не утверждаю, что телеологический эволюционизм – лучшая из всех возможных моделей. Но мне она представляется наиболее интересной на сегодняшний день.

Почему? Цена концепциям – энное количество грошей в базарный день. А для тех, кто не склонен по веянию моды потреблять товары в лавках, – концепции суть лишь инструмент, кристалл, сквозь который можно взглянуть на мир, увидеть его в новом свете и выбросить, когда ты своим взглядом уже прошел сквозь ее грани.

Почему именно эволюция – потому, что пределом позитивного знания является недоказуемая вера – в злой рок или в Провидение. Телеология в эволюции – это ее этика. Забвение эволюционной этики было частично оправданно лишь во времена освобождения познающего от диктата клерикальных институций. Но в эпоху, когда реальная власть не дерзает вещать от имени абсолютного блага, – телеология может быть возвращена без этического ущерба. Само собой разумеется – при соблюдении тщательной гигиены, дабы власть снова не наложила свою лапу на идею «благой цели». Концепт «благой цели» должен оставаться в качестве предмета свободного исследования каждого индивидуума. Впрочем, идея многовекторного развития снимает претензии христианских богословов к идее апокатастасиса (всеобщего спасения как предопределенной благой цели). Сохраняется свобода в избрании пути в каждый конкретный момент – и остается свет звезды Провидения, указующий путь только при желании странника поднять глаза к небу.

Если универсум признается абсолютно благим – мы, с одной стороны, не можем говорить, что мировое благо увеличивается – происходит просто трансформация от одного благого к другому. То же верно относительно некоторых концепций внутри деградиционного мифа – благо не уменьшается, его может прозреть просветленный, но некая «реальность консенсуса» взаимодействующего между собой ограниченного количества индивидуумов (статус которой разнится от иллюзорного до метафизически неопределенной «действительности») скатывается от подобия небесных миров к подобию миров нижних.

Антиэволюционистские модели (говорящие о мировой неизменности или же – чаще – о неизменности в контексте мировых циклов, в ходе которых реальность деградирует от «золотого века» к «железному») часто используют концепцию «беспричинной милости» или вообще беспричинности для объяснения возможности достижения цели существования – мокши. Освобождение не обусловлено кармически. «Дух дышит, где хочет», его нельзя «вызвать». Исключением являются тотально пессимистические модели, в контексте которых освобождение невозможно – они обычно находятся в маргинальном пространстве, как миф Ницше о вечном возвращении или же идеи о трагической абсурдности существования. Причинно-следственные структуры оказываются уместными именно в рассказе о патологическом мировом круговороте.

С другой стороны, творческая эволюция может быть вся в целом представлена в качестве беспричинной милости. Причины же и следствия относятся к автоматическому, нетворческому порядку бытия, то есть, в конечном счете, к небытию. Причины в данном случае могут рассматриваться как сюжетные линии, имеющие отношение друг к другу, но не обуславливающие последующие события однозначным образом. И рассудок вполне может уловить в этом логику. Алгоритмы обеспечивают низовую основу существования, чтобы использующий их мог сконцентрироваться на творческом аспекте (творчески можно в том числе и создавать алгоритмы).

Дальнейшую часть повествования мы посвятим рассмотрению означенных выше эстетических проблем телеологического эволюционизма – на примере работы В. С. Соловьева «Красота в природе». Эта работа будет рассматриваться как пример уклонения в не подкрепленную апофатически катафатику – то есть вынесения предельных положительных – катафатических – эстетических суждений так, словно бы выносящий эти суждения говорил от имени и по поручению высшей, стоящей за и над эволюцией (и в то же время ее направляющей) эстетической и этической инстанции. Цитаты из данной работы будут в дальнейшем приводиться курсивом без кавычек. Мы в известной степени последуем в стилистике за средневековыми комментаторами. Наш комментарий будет подобен построчному – но, само собой, учитывая ограниченность печатного пространства, мы попытаемся откомментировать лишь отдельные фрагменты рассматриваемого текста, показавшиеся нам наиболее существенными в контексте заявленной темы.

В рассматриваемой работе Соловьев предстает, безусловно, эв-телеологом. Уже сама возможность вести речь об улучшении чего бы то ни было есть зародыш всякого прогрессизма, эволюционизма и эв-телеологизма:

Эстетически прекрасное должно вести к реальному улучшению действительности.

Долженствование, безусловно, не предполагает обязательности – лишь добровольность. Соловьев оставляет возможность в своей системе миру как двигаться в сторону деградации, так и пребывать застывшим – но Путем с большой буквы будет именно путь улучшения, то есть благой трансформации.

Теозис и эволюция

Знаменитый святоотеческий тезис – «Бог стал человеком, чтобы человек стал богом» – может быть выражен в рамках более широкого контекста. **«Бог стал живым существом, чтобы живое существо стало богом».**

Этот тезис представляет собой суть эв-телеологического эволюционизма. Такой эволюционизм неотъемлемо присутствовал – и у истоков, и в наши дни – в христианской традиции.

Однако в XIX веке христианское (и не только) общество было скандализировано явлением материалистического эволюционизма. Возникший скандал привел значительную часть христианского общества к отвержению универсально-эволюционного концепта, оставив в центре внимания лишь один (хотя и предельно важный) его аспект – аспект «личного спасения». «Личное спасение» – это путь, имеющий ступени. Человек ведом на духовном пути божественным провидением. Этот путь нелинеен, он не укладывается в рамки примитивных рассудочных причинно-следственных схем, но, тем не менее, он концептуально относится именно к эволюционным моделям.

Основной пафос христианских антиэволюционистов эпохи Модерна направлен не против идеи эволюции как таковой – но именно против ее детерминистско-материалистического варианта. Этот вариант исключает из концептуального поля идею свободы, что для христианина неприемлемо, но оппонирование ему чревато впадением в обратную крайность – отторжением идеи божественного провидения в социуме. Из отрицания эволюции прямо следует, что любое переустройство общества есть дело принципиально неблагое. Хотя именно в эпоху Модерна в русской православной мысли появилась яркая и популярная фраза – «стяжи Дух Святой и вокруг тебя спасутся тысячи». Любой путь есть трансформация, и если идущий учится – мы можем говорить об эволюционировании. Если мы можем говорить о пути группы – то можно говорить и об эволюции группы, социума, универсума.

Еще одна оппозиция внутри эволюционного концепта такова: является ли эволюция восстановлением некоего изначального совершенства или же появлением принципиально новых форм, творчеством не-бывшего ранее. Но это чисто метафизическая оппозиция, восходящая к пределам осмысления реальности, к проблеме существования и не-существования, времени и вечности. Бог – Альфа и Омега,

Старое и Новое.

Апофатика и катафатика эволюции

И здесь мы переходим к важнейшей метафизической проблеме – различению апофатики и катафатики. Это различие проходит сквозь любую философскую тему, в том числе и сквозь проблематику эволюции.

Прекрасная статуя по отношению к простому куску мрамора есть бесспорно новый реальный предмет, и притом лучший, более совершенный (в объективном смысле), как более сложный и вместе с тем более обособленный.

Данный пример прекрасно иллюстрирует позицию Соловьева в вопросе эволюции – в ее эстетической компоненте. Превосходство статуи не так уж и бесспорно, как это он пытается представить. Изначально мы имеем дело не с простым куском мрамора, а с его месторождением. «Кусок мрамора» – это результат воздействия добытчиков мрамора. Сравнение месторождения мрамора со статуей некорректно – и делается в рамках мифа о «стадиях эволюции», в рамках которого минеральное царство предшествует человеческому. **Мрамор стал более совершенным с антропоцентристской точки зрения – но более совершенным лишь в сравнении с отколотым куском мрамора**, хотя и здесь нет очевидной объективности, ее вообще нигде нет. Сам материал тоже есть чье-то творение. Точнее – был им, пока из него не сделали материал. Этическая проблема станет рельефнее, если вспомнить словосочетание «человеческий материал», характерное для некоторых дискурсов.

Апофатична у Соловьева только фигура автора – имевшего глубокий инсайт и в результате проникшегося взглядом на себя как на пророка, обладающего универсальными критериями оценки явлений, в том числе и в их эстетической составляющей. Подчеркну – в особенной степени эстетической, так как София связывается в построениях Соловьева во многом именно с красотой.

Все дальнейшие суждения Соловьев выносит чисто катафатическим образом. О несказуемости и не-схватываемости Красоты Соловьев в своей работе не говорит. Эстетика объективируется – и единственным ее гарантом является сам автор и его адепты, со своей абсолютизированной субъективной позицией.

Напротив, мы имеем полное право думать, что воздействие художества как на природу вещей, так и на душу человеческую допускает различные степени, может быть более или менее глубоким и сильным.

Воздействие художника? Мы сталкиваемся здесь с еще одной антиномией – антиномией «творчества» и «у вэй», даосского «недеяния». «Не судите, да не судимы будете». Мы не можем знать с уверенностью, что занимаемся совершенствованием, а не профанацией и обезображиванием. Чаще всего мы имеем дело с многовекторным процессом. И только в высшей своей фазе – «действия в бездействии и бездействия в действии» – творчество становится именно творчеством прекрасного и совершенного, а не убийством «мертвого материала». Чистое творчество материала уже не знает.

Насколько этически и эстетически корректно видоизменить в целях совершенствования очертания горы Фудзи? Можно ли расписать стены Гранд-Каньона? Считать ли эстетическим совершенствованием уподобление непонятного понятному? Своего рода ксенофобию в искусстве?

Существо, не ограниченное в свободе и любви, – существо творческое. И творит оно непрестанно – пока оно свободное и любящее. Даже если оно замерло в физической и трансфизической телесной неподвижности. И, возможно, уместнее употребить слово «особенно», нежели слово «даже».

Максимально этично, видимо, творение себя («художество из художеств» отцов-пустынников), творение из себя. Впрочем, здесь мы снова имеем антиномию творения из себя и творения из «ничего». Поскольку само существо для себя начинает являться «материалом», мы имеем антиномическое ограничение «ничем», «пустотой» – и это ограничение дает интересный результат в сравнении с апофатическими тезисами. Эта антиномия фактически говорит нам о «божественном ничто», «сияющей пустоте». Получается, что Бог творит из Себя и из ничего одновременно и парадоксально. Ибо Он

и есть это Божественное Ничто.

Впрочем, Соловьев частично снимает с себя функции арбитра следующей фразой – чтобы затем вновь облачиться в торжественные судейские одеяния:

Как и все человеческое, художество есть текущее явление, и, быть может, в наших руках только отрывочные начатки истинного искусства.

Можно провести параллель между этой ремаркой-предположением Соловьева и знаменитой фразой Александра Меня «Христианство только начинается». Мы имеем дело с характернейшим для телеологического эволюционизма настроением.

Спектр эволюционистских доктрин включает и учение о наступающем или уже наступившем конце эволюции, «конце истории». Таковы, например, эволюционистские модели Гегеля и Фукуямы (времен написания «Конец истории»). Эволюция заканчивается для таких философов на самой фигуре философа. Автор концепции – ее сияющая вершина, вершина той самой облагороженной и украшенной Фудзи, по которой ползут оцениваемые автором улитки той или иной степени безобразия. Их оппоненты внутри эволюционного концепта располагают себя на склоне и не дерзают высказывать предельных суждений о «Фудзи в целом» даже под воздействием больших доз sake.

И далее Соловьев говорит о той самой вершине Фудзи и о высотной поясности.

Пускай сама красота неизменна; но объем и сила ее осуществления в виде прекрасной действительности имеют множество степеней...

Скорее, корректно говорить о «сверхнеизменности», поскольку эта «неизменность» есть и высшая динамика, есть преодоление антиномии статики и динамики.

Относительно же «степеней» – речь у Соловьева идет о простой вертикальной

лестнице ступеней совершенствования. Проблемы этой доктрины – в претендующих на высший арбитражный статус оценочных суждениях. Высших стадий просто не оказывается во «внешнем» мире – они встречаются лишь в озарении, дарованном пророку, который оказывается перенесенным на вершину.

Любая шкала предполагает измерение – и линейная шкала предполагает изменение только по одному параметру. В данном случае имеется в виду чистая красота, прекрасное – практически одно из имен Блага. Но не постигшие Благо существа имеют ли право говорить от его имени, не делая существенных оговорок? Мы имеем множество различных параметров, по которым могут проводиться измерения, но все эти параметры имеют опосредованное отношение к Благу, чье существо апофатично. Как мы будем измерять степень благости таракана или мухи (или же «степень демонизированности их сознания/телесности»)»? Только прямым интуитивным проникновением в «природу вещей» – но на этом пути измеряющего подстерегает множество aberrаций. Одна из них – оценка статического положения вещей. Разбойник может покаяться на кресте, просветление может быть обретено мгновенно – а предшествующее состояние может ли быть адекватно оценено без учета предыдущего и последующего состояний?

Истинно философская теория, понимая смысл факта, т. е. его соотношение со всем, что ему сродно, тем самым связывает этот факт с неопределенно восходящим рядом новых фактов, и, какую бы смелою ни казалась нам такая теория, в ней нет ничего произвольного и фантастического, если только ее широкие построения основаны на подлинной сущности предмета, открытой разумом в данном явлении или фазе этого предмета. Ибо сущность его необходимо больше и глубже данного явления, и, следовательно, по необходимости же она есть источник новых явлений, все более и более ее выражающих или осуществляющих.

Вопрос только в том, насколько наш разум способен открывать «подлинную сущность предмета». Сколько покрывал скрывает лик Божий? Сколько дней пути между очами ангела? Уместно ли односторонне решать антиномическую проблему конечности/бесконечности в данном случае? Можно ли когда-нибудь будет сказать, что глубже рассматриваемую вещь постичь невозможно?

Из двух областей прекрасных явлений, природы и искусства, мы начнем с той, которая шире по объему, проще по содержанию и естественно (в порядке бытия) предшествует другой.

Очевидно, разделение проходит по принципу «человеческое/внечеловеческое». Или же «естественное/искусственное». Это разделение сугубо условно. Все в мире есть результат творчества, все и искусственно, и естественно – одновременно. У творений человека есть предел материальной сложности, у мира же в целом – предел сложности не найден и, согласно Канту, найден быть не может. Так что суждение о «простоте» в данном случае сомнительно.

Одна из характерных черт прогрессизма – взгляд на свою группу как на передовой отряд эволюции – весьма проблематична с этической точки зрения. В деградационных мифах речь может в аналогичном случае идти о «последнем бастионе».

Оценивая «инаковое», «арбитр изящества» практически неизбежно оценивает не само инаковое, а лишь доступный его восприятию аспект – и теоретику всеединства стоило делать хотя бы оговорки относительно возможной скрытости от него целостности.

Но алмаз красив и дорого ценится за свою красоту, тогда как и самый невзыскательный дикарь вряд ли захочет употребить кусок угля в виде украшения.

Нельзя не вспомнить здесь Николая Трубецкого с его памфлетом против разделения человечества на «дикарей» и «цивилизованных». И сам факт введения Соловьевым разделения на «дикарей» и «цивилизованных» иллюстрирует его подход к эволюционному концепту – подход объективистский, в рамках которого соловьи прекраснее ворон в порядке бытия, а не только в ограниченном восприятии арбитра.

Несомненно, что в генетическом смысле все наши чувства, не исключая и высших: зрения и слуха, суть лишь дифференциации осязания.

Не стоит забывать, что «пятерика чувств» – скорее, гносеологический штамп. И попытки выстроить внутри этого штампа иерархию оставляют нас внутри штампа. Мы можем предположить, что помимо традиционно вычленяемых пяти возможно неопределенное множество органических фракталов восприятия. И развиваться могут они все, иногда в ускоренном режиме, иногда, напротив, деградируя и редуцируясь. Но деградация фрактала не свидетельствует о его «эволюционной отсталости». Лишь о

неблагоприятном варианте развития. Но из тупиков бывает выход – так, в истории мысли нередко реанимируются брошенные полузабытые идеи.

Антиномия утилитарного и беспричинного в эстетике

Да не покажется читателю странным, что из всего перечня рассмотренных нами антиномий именно эту мы рассматриваем в отдельной главе. Дело в том, что свою работу Соловьев создавал именно как полемический ответ утилитаристам в эстетике. Но каждый текст пишется для конкретной аудитории, расположен в своем хронотопе. Наша критика построений Соловьева призвана вывести проблему из пределов чисто полемического дискурса и наметить пути для синтетического преодоления антиномии беспричинности и утилитаризма в эстетике.

Разложение эстетических явлений на первичные элементы, имеющие свойство полезности или приятности, может быть очень интересно; но настоящая теория прекрасного есть та, которая имеет в виду собственную сущность красоты во всех ее явлениях, как простых, так и сложных. ...В красоте – даже при самых простых и первичных ее проявлениях – мы встречаемся с чем-то безусловно-ценным, что существует не ради другого, а ради самого себя, что самым существованием своим радуется и удовлетворяет нашу душу, которая на красоте успокаивается и освобождается от жизненных стремлений и трудов.

Существует, однако, не только утилитаристское стремление свести красоту к полезному и приятному, но и обратная тенденция, едва ли не более древняя – выдавать за «подлинно прекрасное» то, что представляется воспринимающему именно как приятное и полезное. И выстраивать на этой основе патологические иерархии «прекрасного» и «безобразного». Вообще, склонность к выстраиванию подобных линейных иерархий – царств природы или органов чувств – есть склонность именно к выстраиванию иерархий патологических в уилберовском смысле слова. Красота не объективна, а интерсубъективна. Она бесполезна и полезна/вредна. Красив/некрасив скорее не объект, а восприятие воспринимающего, взгляд видящего. Некоторые христианские мыслители утверждали, что святой видит мир в его первозданной красоте. Так что начинать следует с очищения собственного взгляда от

эгоистических наслоений – а не с организации конкурса «Мисс Вселенная» с небезвозмездной раздачей мест, медалей и прочих слонов. Для ксенофила красивым выглядит неизвестное, привычное же – безобразным, постылым. Для ксенофоба – наоборот. Обе практики деструктивны. Красив человек, не стремящийся узурпировать красивое и не стремящийся насильственно ликвидировать чужое безобразное.

Прекрасное апофатично – а потому не объективно. Следует совершенствовать свой взгляд, стремиться увидеть прекрасное в представляющейся поначалу безобразно хаотической неизвестности и в штампованной привычной упорядоченности – и то, и другое есть, скорее, дефекты собственного восприятия. И этот доброжелательный взгляд может помочь другому в его самосоздании, стать подспорьем на его пути к прекрасному и благому. Сломанное крыло – болезнь, а не уродство. И сравнивать если и можно – то не один объект или группу объектов с другим объектом или классом, а только свое видение конкретного живого существа и его творчества с его идеальным обликом, с его «образом Божиим». И всегда остается этическая проблема суждения – и в этом случае. **Любое творческое действие не имеет ни начала, ни конца – по крайней мере, для нас. Эти начала и концы нам неведомы. Поэтому и оценить во всей его полноте мы ни один творческий акт не способны, наши оценки ущербны.** Мы будем иметь дело с собственной «урезанной» версией творческого акта и его результата. И именно ее и будем оценивать. Но апофатика прекрасного может предполагать и катафатику. И мы получим множество катафатических моделей. Или даже супермоделей. Множество проектов космогенеза (украшения) и множество косметических «салонов красоты» – чувственно воспринимаемых фракталов эстетического развития.

Взгляд, который логически вынуждается признать какую-нибудь глисту столь же прекрасной, как Елену на стенах Трои, сам себя убивает в смысле эстетической доктрины. Существуют отвлеченно метафизические точки зрения, не совместимые с признанием разницы между добром и злом, между красотой и безобразием; но, становясь на такие точки зрения, лучше уже вовсе не рассуждать о нравственных и эстетических предметах.

Соловьев прямым текстом указывает, что с несогласными не имеет смысла вести разговор. Ведь его эстетические суждения очевидны для всякого человека с нормальной – то есть подобной имеющейся у автора – эстетической парадигмой. Мы имеем дело с авторитарной моделью, не предполагающей даже в зародыше идеи толерантности, в данном случае – толерантности эстетической, то есть критического отношения к своей собственной позиции. Авторитарный эстетик полагает себя Арбитром Изящества или проводником иерархии ценностей высшего арбитража. Толерантный же – не претендует на такую роль в абсолютном порядке вещей. Он строит свой

катафатический эстетический фрактал, рефлексирова на его ограничительных моментах и осознавая его субъективную (пусть и с приставкой «интер-») относительность.

«Красота» Елены послужила одной из причин Троянской войны. О какой же бесстрастности и о каком же безволии можно тут вести речь? Что касается полезности, то уместно вспомнить строку Высоцкого «и начал пользоваться ей не как Кассандрой». Пытаясь утвердить объективную иерархию эстетических ценностей, Соловьев не предлагает ничего, кроме апелляции к очевидности. Но он мог бы сравнить не Елену с гильминтом, а поставить себя на место Париса, выбиравшего королеву красоты среди богинь, причем использовавшего при выборе вполне прагматический критерий личной выгоды. Вероятно, Соловьеву были бы не чужды рыцарские поединки, в ходе которых красоте прекрасных дам выносились бы объективные оценки.

Утилитарность красоты есть нечто сравнимое с детерминизмом в науке. Ученый выявляет законы – так, как если бы свободы в мире не было. И Кант вводит антиномию свободы и детерминизма. В нашей же паре бесполезно прекрасное рядоположно свободе, а утилитарное в прекрасном – обусловленности. Беспричинно прекрасно Божество – но существует опасность «прелести» (принятия низшего за божественное) и «антипрелести» («хула на Дух Святой», неумение увидеть божественную красоту). На вопрос «все ли прекрасно?» можно лишь ответить, что безобразно мое неумение видеть прекрасное.

Соловьеву представляется безобразной гипертрофия органов размножения и питания. Но чем именно она безобразнее любой «гипертрофии» – например, болота или пустыни? Некоторые полагают, что у человека гипертрофировано ментальное тело. Скорее, можно было бы сказать, что безобразна зависимость. Следствием которой и являются разного рода гипертрофии и абстиненции. Может быть, именно поэтому зависимости особенно тщательно ритуализируются, опутываются системами табу, эстетизируются.

Безобразными Соловьев полагает глистов, гусениц, свиней и почему-то каракатиц и прочих головоногих моллюсков. Но приведем и иной взгляд, изложенный Станиславом Лемом в «Осмотре на месте»:

«Я, однако, должен честно признать, что излагаю точку зрения исследователей – людей, которые происходят от обезьян и потому считают, что чем ближе родство разумных существ с пресмыкающимися (а пернатые восходят к ним по прямой линии),

тем меньше это делает им чести. Энциане придерживаются прямо противоположных взглядов. Примитивизм, и притом самого худшего сорта, утверждают они, проявляется там, где дефекацию от прокреации отделяют какие-нибудь миллиметры, а то и меньше. Этот способ остается нейтральным с нравственной точки зрения до тех пор, пока еще нет нравственности, то есть пока поведением животных управляет слепой инстинкт. Однако же этот экономичный способ сочетания в одном месте и в одном канале столь диаметрально противоположных функций, как удаление из организма нечистот и занятия любовью, должен был стать проклятием создающего культуру разума. Поскольку любое живое существо избегает собственных выделений, это всеобщее отвращение надлежало как-то преодолеть, и эволюция воспользовалась приемом столь же простым, сколь и циничным, превратив места... омерзительные в притягательные – благодаря таящемуся в них наслаждению».

Подобного рода смещение угла зрения весьма полезно для излечения «супершимпанзе» от чрезмерного антропоцентризма.

Мой коллега Федор Синельников высказал мысль, с которой вполне могу согласиться. Мерилом объективности в области эстетики Соловьев полагает себя – он и есть Арбитр Изящества в этом конкурсе «Мисс Вселенная». Такова его пророческая функция в мире, где власть царя и священника дополняется и уравнивается властью пророка. И никаких иных эстетических критериев Соловьев поэтому и не предполагает – за ненадобностью.

Итак, телеологическо-эволюционная эстетическая модель Соловьева есть линейная модель. Ее недостаток – хроническая болезнь всех доктрин, утверждающих видение магистрального – исторического ли, эволюционного ли – пути развития.

Эстетическая оценка предмета зависит от широты и дифференцированности спектра восприятия и направленности его вектора, его «частоты». Прекрасно ли человеческое

тело для наблюдателя, чей видимый спектр – рентгеновское излучение? Зависит оценка и от социальных норм, и от индивидуальных предпочтений. И то, и другое мешает вынесению универсального суждения. Относительно первого ограничения можно было бы возразить, что в пределах нашего спектра восприятия мы можем выносить относительно объективные суждения, что красота проявляется в определенном фокусе, и ее сфокусированность в пределах ограниченного спектра восприятия не препятствует объективности. Да, но зато препятствует вынесению предельных универсальных суждений и выстраиванию объективной общезначимой эстетической иерархии. Что же касается индивидуальных и социальных aberrаций... Кто свободен от бэконовских «идолов» – пусть первый бросит камень в ту самую соловьевскую «малоэстетичную каменную бабу».

Более перспективной и свободной от aberrаций видится другая эволюционная модель. В этой альтернативной модели, контуры которой обрисованы, к примеру, Даниилом Андреевым, эволюционным потенциалом обладает любое живое существо, причем потенциалом собственным, не приводящим минерал к растению, растение к животному, а животное – к человеку. В пределах этого угла зрения предполагается, что отдаленные от человеческого природные «царства» («республики») не могут быть человеком адекватно восприняты в силу своей инаковости. Примитивным может показаться не все существо в целом, а лишь один его аспект, видимая человеком «надводная» для него часть айсберга. И идея многовекторной нелинейной эволюции может стать моделью, в рамках которой человек может начать приближаться к более глубокому пониманию других живых существ, к древнему идеалу мудреца, понимающего языки «зверей и птиц» – всех существ универсума.

[Обсудить статью на форуме](#)

[Предыдущая статья](#) :: [Оглавление](#) :: [Следующая статья](#)